

Ливень барабанил по жестяной крыше раздевалки, словно бесчисленные кулаки. Лу Цзин стоял на коленях в углу, и его левая нога казалась распиленной тупым ножом сантиметр за сантиметром; нервы под кожей истошно вопили, холодный пот насквозь пропитал спортивную форму, прилип к спине и леденил до костей. Он стиснул зубы, не позволяя себе издать ни звука, но пальцы намертво впились в щели пола, ногти потрескались, и кровь, смешиваясь с дождевой водой, расплывалась багровыми пятнами.

Он не хотел двигаться. Не хотел, чтобы его видели. И уж тем более не хотел, чтобы его видел он.

Дверь с грохотом распахнулась, порыв ветра ворвался внутрь вместе с брызгами дождя, заставив вешалки зазвенеть.

Се Линь стоял на пороге, насквозь мокрый, черные пряди прилипли ко лбу, капли воды стекали по подбородку и падали на пол, напоминая тиканье секундной стрелки обратного отсчета.

Он ничего не сказал, сделал шаг вперед, опустился на колено, просунул руки под колени и спину Лу Цзина и в один миг подхватил его на руки.

— Не трогай меня, — прохрипел Лу Цзин, и голос его звучал как хруст битого стекла. — Ты грязный.

Се Линь не остановился. Он взвалил его себе на спину и широким шагом двинулся к выходу, ступая твердо, словно нес рушащуюся гору.

— Отпусти... — Лу Цзин сопротивлялся, ударяя кулаками ему по плечу, но сил почти не осталось, удары напоминали укусы комаров. — Убирайся... Ты вообще не достоин...

Шаги Се Линя на мгновение замерли.

— Помнишь? — его голос был очень тихим, но перекрыл раскаты грома. — Семь лет назад, когда тебя уносили на носилках, ты вцепился мне в полу рубашки и сказал: «Тренер, я еще могу играть».

Лу Цзин всем телом окаменел.

Эта фраза, словно заржавевший ключ, вонзилась в его запертые наглухо воспоминания.

Он помнил тот день. Дождь смывал траву, кровь смешивалась с грязью, расползаясь под ним. Он слышал свисток судьи, крики товарищей по команде, слышал, как Се Линь выкрикивает его имя, но в голове у него крутилось только одно — мяч. Он должен был достать мяч. Он должен был подняться. Он не мог допустить, чтобы тот удар с подкруткой превратился в шутку.

Он полз, ногтями вцепляясь в дерн, кровь сочилась из коленей, но он все равно улыбнулся, запрокинув голову и глядя на Се Линя: «Тренер, я еще могу играть».

Это было его последнее воспоминание перед потерей сознания.

Но он никогда и никому об этом не говорил.

Даже он сам думал, что это была всего лишь галлюцинация.

Се Линь нес его на спине по длинному коридору, дождевые капли с его кончиков волос падали на лицо Лу Цзина, ледяные.

— Ты помнишь, — снова произнес Се Линь осипшим голосом. — Но ты никогда не спрашивал, почему в тот день я не позволил тебе продолжить играть.

Лу Цзин закрыл глаза, в горле пересохло.

— Ты боялся, что я умру, — наконец выдавил он, и голос его прозвучал тихо, как вздох.

— Я боялся, что ты победишь, но перестанешь быть собой, — ответил Се Линь.

Дверь медпункта распахнулась от удара ноги, свет резал глаза. Се Линь бережно опустил его на больничную койку, движения были такими осторожными, будто он боялся разбить хрупкий фарфор. Он снял с себя промокшую куртку и набросил на ноги Лу Цзина; его палец случайно задел колено, и Лу Цзин резко вздрогнул.

— Не трогай...

— Я знаю, — перебил его Се Линь, и голос его звучал пугающе спокойно. — Ты ненавидишь меня за то, что я не дал тебе играть. За то, что не спас. За то, что в тот день я стоял у кромки поля и не бросился к тебе.

Лу Цзин открыл глаза и впервые не выругался.

Он посмотрел на Се Линя.

Эти глаза, всегда холодные и твердые как железо, сейчас были красными, веки опухли — казалось, он плакал, а может, провел бесчисленное количество ночей без сна.

— Ты сжег тактическую схему, — внезапно произнес Лу Цзин. — Потому что боялся, что я снова стану ради тебя выкладываться.

Се Линь не стал отрицать. Он просто достал из кармана помятый листок бумаги и аккуратно положил его на прикроватную тумбочку.

Это была та самая разорванная и заново собранная тактическая схема — семь лет назад Лу Цзин собственной рукой нарисовал «абсолютно победную расстановку», которую спрятал в подкладку, а позже Се Линь ее сжег.

Но теперь она была восстановлена: края скреплены скотчем, чернила слегка расплылись, но линии видны так же четко, как прежде.

— Ты сохранил ее? — голос Лу Цзина дрожал.

— Я сжег тактику, — ответил Се Линь. — Не тебя.

За окном гроыхнул гром, словно та погребенная семь лет назад буря наконец-то начала отзываться эхом.

Се Линь сел на стул у кровати и больше ничего не говорил. Он просто протянул руку, достал из кармана коробочку с лекарствами, отвинтил крышку, высыпал одну белую таблетку и налил полстакана воды.

— Выпей.

— Я не буду пить твои лекарства. — Лу Цзин отвернулся.

— Это обезболивающее, — сказал Се Линь. — Совсем не то, о чем ты думаешь.

Лу Цзин не шелохнулся.

Се Линь тоже не торопился. Он просто сидел неподвижно, как молчаливая статуя, позволяя бушующему за окном ливню и времени идти своим чередом.

Прошло много времени, прежде чем Лу Цзин наконец протянул руку, взял таблетку и проглотил ее.

Се Линь смотрел на него, и в глубине его глаз наконец промелькнуло едва заметное облегчение.

— В тот день... — начал Лу Цзин хриплым голосом. — Почему ты не подбежал?

Се Линь помолчал несколько секунд.

— Потому что я знал, — ответил он. — Ты не тот человек, которого нужно спасать.

Лу Цзин замер.

— Ты тот, кому нужно, чтобы я дождался, пока ты встанешь сам.

Кадык Лу Цзина дернулся, ему хотелось выругаться, разорвать всё, выплеснуть на него всю скопившуюся за семь лет ярость.

Но он приоткрыл рот, и не слетело ни звука.

За окном дождь стал слабеть.

Слабый лунный луч пробился сквозь брешь в облаках и косо упал на восстановленную тактическую схему.

Написанная красной ручкой фраза светилась в лунном свете:

[Если ты вернешься, этот строй станет искуплением грехов.]

Се Линь поднялся, подошел к двери и положил руку на ручку.

— Завтра, — сказал он, — тренировки по расписанию.

Лу Цзин промолчал.

Се Линь помедлил и добавил:

— Только когда ты победишь, я получу право жить.

Дверь закрылась.

В комнате осталось лишь дыхание.

Лу Цзин опустил голову и посмотрел на брошенную на ноги куртку — это была куртка Се Линя, она все еще хранила его тепло и легкий аромат кедра.

Он протянул руку и крепко сжал край ткани.

Точно так же, как семь лет назад, когда он цеплялся за полу одежды Се Линя.

Только на этот раз он не произнес: «Тренер, я еще могу играть».

Он лишь тихо проговорил — то ли про себя, то ли тому, кто остался за дверью:

— ...На этот раз давай победим вместе.

Дождь за окном прекратился.

Ветер пронесся по коридору и шевельнув бумажку, застрявшую в дверном проеме медпункта.

Это была записка, которую ему подсунул Линь Е.

Превозмогая боль, Лу Цзин протянул руку, вытащил ее из ящика тумбочки.

Развернул.

Там было всего одно предложение:

[Я знаю, почему ты вернулся. Я тоже хочу помочь тебе обыграть их.]

Лу Цзин долго вглядывался в эти слова, а потом вдруг усмехнулся.

Без насмешки. Без горечи.

Это был тот самый свет, который крошечной искрой разгорался заново из глубины груди.

Он аккуратно сложил записку и спрятал за пазуху.

Затем медленно поднял левую руку и положил ее на тактическую схему.

Кончики пальцев легко скользнули по строчке, выведенной красными чернилами.

— Се Линь, — тихо произнес он в пустую комнату. — Ты должен мне не просто одну победу.

— Ты должен мне целых семь лет.

— Теперь я вернулся.

— И даже не думай сбежать.

Лунный свет заливал тренировочное поле за окном.

Вдалеке послел слабый звук шагов бутс по мокрой траве.

Кто-то тренировался.

Номер 17.

Лу Цзин закрыл глаза.

На этот раз боль не заставила его свернуться калачиком.

Он просто лежал неподвижно, слушая первое после дождя стрекотание цикад, которое медленно растворялось в ночной тишине.

Словно запоздалое искупление.

<http://bllate.org/book/19070/1873133>